

НАША ПРОФЕССИЯ. КАДРЫ. ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 023+02:37

А. В. Соколов

Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств

Библиотечная профессиология и сумма технологий

Библиотечно-информационное образование в России: история развития и современное состояние. Структура библиотечной профессиологии. Образовательные и профессиональные стандарты. Технологический и компетентностный подходы в библиотечно-информационном образовании.

Ключевые слова: библиотечная профессиология, библиотечная технология, библиотечно-информационное образование, компетентностный подход, образовательные стандарты, профессиональные стандарты, технологический подход.

UDC 023+02:37

Arkady Sokolov

St. Petersburg State University of Culture and Arts

Library profессиology and technological background

Education in library and information sciences in Russia is reviewed. History and current status are examined. Library profессиology structure is defined. The education and professional standards are discussed. Technology- and competence-based approaches in library and information education are introduced.

Keywords: library profессиology, library technology, library and information education, competence-based approach, education standards, professional standards.

Не могу не поделиться радостью: накануне 2015 г. Ирина Семёновна Пилко, подобно сказочной Снегурочке, вручила мне драгоценный подарок – монографию о библиотечно-информационном образовании [1]. Эта монография – не ординарное педагогическое сочинение, а результат новаторской практики и беспокойных раздумий преподавательского коллектива Инсти-

тута информационных и библиотечных технологий Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Авторы поставили, казалось бы, конкретную и довольно скромную задачу: «в пределах собственной компетенции, а не в масштабах всей страны... рассказать о том, что получается, на какие вопросы удалось найти ответы, для каких проблем найдены подходы к их решению». Можно подумать, что речь пойдет об обмене передовым опытом в современной библиотечно-информационной школе.

Действительно, компетентные педагоги добросовестно описывают свой опыт преподавания информационно-коммуникационных технологий на всех уровнях непрерывного библиотечно-информационного образования, делятся разработанными ими тематическими планами специальных дисциплин для бакалавров, магистров, аспирантов и даже раскрывают проблематику кафедральных курсов повышения квалификации.

Коллеги – преподаватели из различных регионов России, – несомненно, найдут в этой монографии немало полезных практических решений, которые заслуживают распространения «в масштабах всей страны», но этим не исчерпывается её ценность.

Главное достоинство книги, подготовленной под научным руководством доктора пед. наук профессора И. С. Пилко, заключается в том, что в ней освещена целостная, теоретически осмысленная и практически апробированная **концепция высшего библиотечно-информационного образования**, предложенная для библиотечного института информационного общества. В концепции просматриваются два различных, но взаимосвязанных сюжета: 1) профессионалистский, 2) информационно-технологический. Каждый из них заслуживает внимательного рассмотрения.

Библиотечная профессиология понимается нами как библиотековедческое учение, объектом которого является библиотечная профессия, а предметами: *профессионализация* – различные способы и формы подготовки кадров, включая специальное среднее и высшее образование; *профессиография*, изучающая особенности профессии и требования, предъявляемые к компетенциям и психофизиологическим характеристикам библиотекаря; наконец, *профессиональная мифология*, сопровождающая любую профессию (библиотекарь – «душа дела», «боец идеологического фронта», «интеллигент-книжник» и т.п.).

Глава 1 монографии названа интригующе и многообещающе: «Поиск концептуальных оснований совершенствования библиотечно-информационного образования». Поиск осуществляется по принципу «от общего к частному». Сначала характеризуются происходившие в начале XXI в. реформы российской образовательной системы, связанные с внедрением компетентностного подхода в духе Болонской декларации. Приведено профессиогра-

фическое определение понятия *компетенция*: совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, освоенных способов деятельности, волевых характеристик), обеспечивающих возможность качественных и продуктивных действий в конкретных ситуациях, включая проблемные [1. С. 17, 18].

Авторы критически оценивают административные и декларативные способы внедрения компетентного подхода в практику российской высшей школы, но вместе с тем одобряют такие его приоритеты, как технологизация учебного процесса, модульность, проектность, опора на информационно-коммуникационные и интерактивные образовательные технологии, практико-ориентированный характер образовательной деятельности. Всё это должно способствовать модернизации образования, которая является «важным условием результативности процессов, обеспечивающих инновационное развитие общества» [Там же. С. 28].

Общие модернизационные тенденции российского образования авторы монографии распространяют на библиотечно-информационное образование. Лаконично, но впечатляюще описано замысловатое блуждание реформаторской мысли, проявившееся в смене поколений государственных образовательных стандартов: первое поколение (1995), второе (2003), третье (2011).

Однако итоговый вывод звучит оптимистично: «Библиотечно-информационное образование рассматриваемого периода вписывается в инновационную парадигму развития образования, суть которой заключается в переходе от репродуктивной образовательной модели, работающей на воспроизводство и стабильность сложившихся общественных отношений, к продуктивной, ориентированной на будущее. Его атрибутами становятся непрерывность, сохранение преемственности различных уровней образования, вариативность образовательных программ, практико-ориентированный и лично-ориентированный характер обучения, опора на современную ресурсную базу, интерактивные образовательные и информационно-коммуникационные технологии» [Там же. С. 53].

Соглашусь с этим выводом, потому что он базируется не на априорных ожиданиях, а на полученных в КемГУКИ результатах довольно масштабных социологических опросов авторитетных специалистов и руководителей библиотечного дела, выступающих в качестве работодателей для выпускников библиотечной школы.

Завершает главу 1, посвящённую поиску концептуальных оснований совершенствования библиотечно-информационного образования, параграф, который раскрывает динамику движения библиотечных профессиографических моделей – от квалификационных к компетентным. Рассмотрены

модель деятельности специалиста, модель подготовки специалиста, профессиограмма как профессионально-квалификационная модель, компетентностная модель выпускника высшей школы и профессиональный стандарт как компетентностная модель специалиста. Весомый вклад в библиотечную профессиологию – многоаспектная модель специалиста библиотечно-информационной деятельности [1. С. 60–64], которую можно считать одним из концептуальных оснований библиотечного образования.

Профессиологический сюжет развивается в 3 и 4 главах монографии. В главе 3 «Компетентностный подход в библиотечно-информационном образовании» продолжается раскрытие сущности общекультурной и профессиональной компетентности, разъясняется место знаний и умений в структуре компетенции. Обосновывается тезис: поскольку одна из главных целей компетентностного подхода – обеспечение конкурентоспособности выпускника на рынке труда, именно компетентностный подход следует считать основой для подготовки кадров библиотечно-информационной сферы [Там же. С. 106–123].

Ключевое значение для внедрения компетентностного подхода имеет ранжирование профессиональных компетенций, предусмотренных в образовательном стандарте. В монографии описан проведённый в КемГУКИ экспертный опрос по оценке значимости той или иной компетенции для библиотечно-информационной практики [Там же. С. 123–141], который лишний раз свидетельствует о необходимости пересмотра стандартных компетенций.

Глава 4 отличается новизной и актуальностью. Она посвящена организационным и методическим проблемам подготовки профессиональных стандартов, чем библиотековеды никогда не занимались. Профессиональный стандарт определяется как совокупность знаний, умений, навыков, опыта работы, другими словами – компетенций, необходимых работнику для осуществления определённой профессиональной деятельности.

Существует утверждённый Министерством труда и социальной защиты РФ макет профессионального стандарта, где перечислены выполняемые сотрудником трудовые функции, которые детализированы в трудовых действиях с указанием соответствующих им знаний и умений, средств и предметов труда и т.д. В профессиональном стандарте заинтересованы три стороны: во-первых, работодатели – для формирования кадровой политики и управления персоналом; во-вторых, организации профессионального образования – для разработки востребованных на рынке образовательных программ; в-третьих, государственные органы, ведающие разработкой государственных образовательных стандартов, – для согласования обоих стандартов.

Авторы монографии в 2012–2014 гг. принимали непосредственное

участие в разработке профессионального стандарта специалиста в области библиотечно-информационной деятельности. Они представили общий методический регламент и конкретный опыт его реализации «от инициативного проекта до официального документа». Этот вклад кемеровской библиотечной школы в отечественную библиотечную профессиологию трудно переоценить.

Информационно-технологическая концепция библиотечно-информационного образования – одно из главных научно-педагогических достижений кемеровской школы профессора *Стаса Андреевича Сбитнева* (1918–2002). Среди направлений научных исследований и разработок, провозглашённых С. А. Сбитневым и реализуемых сегодня его учениками и соратниками, следует выделить:

рассмотрение библиотеки, информационного учреждения как технологической системы;

развитие теории лингвистического обеспечения как основы повышения качества информационных ресурсов;

разработка концепции формирования информационной культуры личности как важнейшего фактора успешного вхождения в информационное общество и общество знаний;

совершенствование системы подготовки библиотечных и информационных кадров, ориентированных на работу в условиях автоматизированных информационно-библиотечных систем и сетей [2. С. 8, 9].

В школе С. А. Сбитнева используется целая «сумма» технологий: библиотечных, образовательных (педагогических), информационных. Венчают «сумму» информационно-коммуникационные технологии, которым посвящена глава 5. Монография не случайно имеет подзаголовок «новые концепции и технологии развития» – в ней отразились новаторская смелость и практический здравый смысл, свойственные школе С. А. Сбитнева.

Ключевым словом здесь является термин *технология*, понимаемый кемеровчанами так:

целесообразная *практическая деятельность* – совокупность ресурсов, средств, приёмов их использования и способов организации деятельности, обеспечивающих исполнителю воспроизводство определённых продуктов и услуг или достижение иных значимых результатов с заранее заданными параметрами;

научное знание (теоретическое и прикладное), характеризующее эффективные способы деятельности (производства продуктов и услуг);

учебная дисциплина, ориентированная на освоение технологических знаний и умений [3. С. 15].

В главе 2 «Технологический подход как концептуальная основа совершенствования библиотечно-информационного образования» [1. С. 66–105] многозначный термин *технология* используется во всех его значениях: и как практическая деятельность, и как научное знание, и как учебная дисциплина [Там же. С. 67, 68]. Столь широкое понимание термина порождает некоторые логические курьёзы, которые в монографии не объяснены. Обратим внимание на некоторые из них.

Первый: соотношение деятельности и технологии. Авторы показывают, что все компоненты деятельности (цель, объекты, субъекты, процессы, методы, средства, результаты, условия) присутствуют в структуре технологии, и констатируют «полную совместимость» технологической методологии с деятельностным подходом [Там же. С. 68, 69]. Нельзя с ними не согласиться, поскольку цели, субъекты, методы, средства и т.д. – необходимые составляющие всякой деятельности и всякой практической технологии.

Тогда возникают вопросы. Если всякая деятельность есть технология, то библиотечная деятельность суть библиотечная технология? Если технология – разновидность деятельности, то какая деятельность не является технологией? Информационная деятельность, понимаемая как «сбор, создание, обработка, организация, хранение, поиск, распространение и использование информации», явно совпадает с информационной технологией как целесообразной практической деятельностью.

Аналогично библиотечную деятельность можно отождествить с библиотечной технологией, понимаемой как «совокупность библиотечных процессов и операций, а также приёмов, методов и средств их осуществления, направленных на создание и сохранение библиотечной продукции и выполнение библиотечных услуг» [3. С. 24, 25, 139]. Допустимо ли считать, что деятельность = технология?

Второй: когда деятельность не есть технология? Если библиотечную деятельность отождествить с библиотечной технологией, то библиотечное учение о библиотечной деятельности придётся отождествить с учением о библиотечной технологии, раскрывающим «эффективные способы деятельности (производства продуктов и услуг)».

В монографии М. Я. Дворкиной, посвящённой теоретическим основам библиотечно-информационной деятельности, есть раздел «Технологические процессы», где в связи с концепцией И. С. Пилко сказано: «В теоретическом плане нужно показать разницу между производственными, технологическими процессами и видами (подвидами) библиотечно-информационной деятельности» [4. С. 103].

Считая библиотечную деятельность более широким понятием, чем библиотечная технология, М. Я. Дворкина критерием «нетехнологичности»

предлагает считать *методическое решение* – «процесс выбора наиболее целесообразного решения с точки зрения конечной цели библиотечно-информационной деятельности или процесс создания новых способов, приёмов. Это творческий процесс, требующий от библиотекаря как библиотечных знаний, так и общей культуры» [4. С. 106].

Согласно этому критерию, библиотечным технологиям свойственны алгоритмы, модели, стандарты, гарантирующие получение одного и того же результата независимо от субъекта-исполнителя, а технологии не распространяются на неординарные ситуации, требующие от библиотечных профессионалов творческих подходов.

Третий вопрос: путаница в разных типах информации. И. С. Пилко придерживается дефиниции: «Информация – воспринимаемые человеком и (или) специальными устройствами сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах» [3. С. 24]. Информация в виде сведений о лицах, предметах и т.д. циркулировала в человеческих обществах с древнейших времен, ещё до изобретения письменности. В истории человечества не было «неинформационных» обществ. В таком случае вызывает недоумение утверждение, что «Информатизация учебных заведений на базе современных ИКТ является важнейшим направлением инновационного развития российского образования» [1. С. 205].

Зачем информатизировать российские школы, когда они изначально передавали учащимся сведения о предметах, событиях, процессах реального мира? Ясно, что всё дело в ИКТ, которые представляют собой «некое обобщённое понятие, включающее использование вычислительной техники и телекоммуникационных средств для реализации информационных процессов с целью оперативной и эффективной работы с информацией на законных основаниях» [Там же. С. 204].

Следует различать два типа информации: *семантическая* (смысловая), выраженная человекочитаемыми (воспринимаемыми) знаками, и *машинная* – машиночитаемые данные и команды. Информатизация библиотек, образования, российского общества в целом заключается в передаче не семантической, а машинной информации. Путаница возникает из-за того, что не различаются семантические информационные технологии (информационный анализ и синтез, информационный менеджмент, информационный маркетинг и пр.) и машинные информационные процессы (информационные системы и сети, информационная безопасность, защита информации и т.п.).

Четыре класса библиотечной школы. Всякое человеческое познание реального мира (обыденное и научное, эмпирическое и рациональное, теоретическое и экспериментальное) заключается в поиске ответов на вопросы *что? как? зачем? почему?* Образовательный институт, или «школа», обоб-

щает и систематизирует добытое знание, обеспечивая передачу его из поколения в поколение. Педагогическое познание строится по дидактическому принципу «от простого – к сложному», что предполагает организацию классной системы, как в общеобразовательной, так и в специальной школе.

Современная библиотечная школа, образно говоря, состоит из четырёх классов. Первый класс (техникум или училище культуры) – среднее специальное образование; второй – бакалавриат вуза; третий – магистратура вуза; четвёртый – аспирантура.

Отвлекаясь от деталей, познавательные задачи можно распределить между классами библиотечного образования следующим образом:

Первый класс, готовящий репродуктивных исполнителей, отвечает на вопрос *что?* Что есть библиотека, библиотечный фонд, библиография, библиотечное обслуживание, электронная библиотека? и т.д. Профессиональное сознание выпускника техникума базируется на мифологических представлениях о сущности и миссии библиотечного дела, а самосознание выражает убеждение «Я – библиотекарь».

Второй класс, ориентированный на подготовку технологов библиотечно-информационного производства, отвечает на вопрос *как?* Как функционирует библиотека? Как действует информационная система? Как обслуживать различные категории клиентов? Как формировать документные фонды? Как осуществлять дистанционный поиск информации? и т.д. Профессиональное сознание бакалавра рационалистично и прагматично; самосознание сконцентрировано вокруг самоопределения «Я – информационный технолог».

Третий класс, ориентированный на подготовку организаторов-менеджеров и проектировщиков библиотечных систем, отвечает на вопрос *зачем?* Специфика деятельности магистров заключается в критической оценке состояния дел, формулировке и обосновании целей модернизации (совершенствования) библиотечно-информационных систем, проектировании соответствующих инноваций и определении их реальной эффективности. Профессиональное сознание магистра не только рационалистично, но и гуманистично, потому что он должен иметь в виду не только маркетинговую выгоду, но и перспективы развития общества. Самосознание библиотечно-информационного магистра выражает максима «Я – организатор общества знания».

Четвёртый класс, представленный в форме аспирантуры, должен стать «альма-матер» библиотекосведов, библиографосведов, книговосведов, обеспокоенных ответом на вопрос: *почему* реальная библиотечно-информационная сфера устроена так, а не иначе? Задача учёных – не только раскрыть причинно-следственные связи и закономерности, действующие в

библиотечно-информационных системах, но и предложить направления совершенствования современных технологических процессов и организационных структур.

Профессиональное сознание выпускников библиотечной аспирантуры представляется экзотичным: не только рационалистическим и гуманистическим, но ещё и метафизическим, потому что им придётся выходить за пределы нынешнего рыночного потребления, для того чтобы обеспечить библиотечному институту достойное положение в грядущем обществе знания. Самосознание учёного человека определяется скромно и просто: «Я – исследователь».

Технологическая концепция библиотечно-информационного образования, изложенная в монографии, ориентирована, главным образом, на «второй класс», т.е. на бакалавриат библиотечной высшей школы. Именно этому классу в наибольшей степени соответствует суть технологизации образования, которая выражается «в его стандартизации, в технологизации содержания, в технологической подготовке (проектировании) учебного процесса» [1. С. 82]. Описанный в монографии опыт подготовки специалистов и бакалавров в КемГУКИ прекрасно иллюстрирует эту суть.

Что касается перехода в «третий класс», т.е. освоения сути магистратуры, то авторы монографии не предлагают завершённую концепцию, ограничиваясь эпизодическими соображениями. Они прозорливо отмечают: «История XVIII–XXI столетий со всей очевидностью свидетельствует, что примерно раз в 50 лет происходят технологические революции, знаменующие собой радикальное изменение доминирующего в обществе технологического уклада» [Там же. С. 72]. Отсюда следует, что *сумма технологий* будет меняться и магистрантов надо приобщать не только к господствующим в наши дни цифровым ИКТ, но и к технологиям завтрашнего дня. Каким именно?

Научный совет общественного движения «Россия 2045» предсказывает трансгуманистическую эволюцию на основе конвергенции (сближения, схождения) нано-био-инфо-когнитивных технологий [5]. «Цифровая эпоха» в обозримом будущем сменится новой, конвергентной, эпохой, и оцифрованным библиотекам, чтобы не отстать от жизни, придётся «конвергентизироваться». Но технологические перевороты – это далеко не все грозные вызовы будущего. Технология – форма, гораздо страшнее – содержание цивилизации завтрашнего дня.

Гигантский рост научно-технической мощи и экономического богатства западных стран соседствует с духовной деградацией и дегуманизацией отношений между отдельными людьми, народами, нациями, государствами. Россия находится в зоне риска. Растёт социально-экономическое расслоение

людей, обыденными явлениями стали коррупция, преступность, межэтническая вражда. Имитация демократии и либерализма оборачивается апатией, аморальностью, беззаконием, недоверием населения к властям всех уровней.

Героем нашего времени стал интеллектуал-бизнесмен, живущий по принципу «цель оправдывает средства». Совесть, стыд, милосердие, альтруизм, интеллигентность старомодны и неактуальны в современной России. Нет необходимости упоминать о росте наркомании и алкоголизма среди школьников, о детской и школьной преступности, приведшей к тому, что в местах лишения свободы несовершеннолетние составляют 10,7% всех заключённых [6].

Школа и литература, религия и средства массовой информации должны сыграть свою роль в гуманистическом возрождении России, но без участия библиотечного социального института не обойтись ни в коем случае. Для книги нет альтернативы, потому что СМИ, кинематограф, театр слишком коммерциализованы и опошлены. Мастера культуры постмодерна озабочены эстетикой однополых браков и ограничениями использования матерного лексикона для личного творческого самовыражения. Только национальная книжная культура, которая опирается на многомиллиардные книжные фонды, завещанные предками, способна стать *гуманистическим оплотом нации*.

Сегодня как никогда востребованы магистры-гуманисты, элита библиотечной профессии. Авторы монографии справедливо отмечают: «Тенденция гуманизации и гуманитаризации библиотечно-информационного образования плохо согласуется с базовыми принципами рыночной экономики, с политическим курсом на модернизацию и инновационное развитие производственных отраслей и социальной сферы. В этих условиях высшая школа не в состоянии “производить” интеллигентных гуманитариев, широко эрудированных, высоконравственных, ориентированных на бескорыстное подвижничество служение Галактике Гутенберга» [1. С. 85].

Печально звучат пессимистические признания лидеров библиотечно-информационного образования: «Постигнув мастерство подготовки библиотечных технологов, мы не представляем, каким содержанием, какими методами, ресурсами и средствами можно сегодня готовить в высшей школе библиотечных интеллигентов. Полагаем, что корень проблемы и способы её решения следует искать за пределами “пространства” высшего гуманитарного образования» [Там же. С. 86].

Что же делать? Авторы монографии предлагают продолжать «технологизацию библиотечно-информационного образования», суть которой в том, что будущих библиотекарей следует обучать производству «продуктов и услуг, которые они могут производить профессионально, будучи подготов-

ленными к данному виду производственной деятельности» [1. С. 88]. «Технологизация, – по их мнению, – становится одним из ключевых направлений реформирования профессионального образования, включая гуманитарное» [Там же. С. 93]. Технологический подход был использован при подготовке стандартов библиотечно-информационного образования второго и третьего поколений [Там же. С. 93–105].

В КемГУКИ проходят апробацию три основные образовательные траектории обучения в магистратуре:

магистрант – аспирант;

магистрант – высококвалифицированный (ведущий, главный) специалист;

магистрант – управленец.

Возможно «удвоение» этих траекторий с учётом того, что в магистратуру охотно поступают люди с высшим непрофильным образованием (иногда с двумя вузовскими дипломами или с магистерской степенью). Именно этот контингент, по опыту КемГУКИ, – самый заинтересованный в получении профессиональных знаний, хорошо сочетающихся с имеющимся опытом практической работы и ранее полученным специальным образованием.

Предусмотренные стандартами третьего поколения академические свободы в части образовательного контента дали возможность формировать вариативные образовательные программы, отвечающие потребностям конкретного региона (для КемГУКИ – это Кемеровская и Томская области, Красноярский край), конкретных групп (специалисты вузовских, муниципальных, региональных библиотек), и даже учитывать индивидуальные предпочтения обучающихся, уделяя особое внимание формированию или развитию конкретной компетенции или определённого виду профессиональной деятельности.

Не будем поддаваться унынию. Несмотря на неутешительные цитаты (минутная слабость, с кем не бывает), я хочу ещё раз подчеркнуть: выход в свет монографии авторского коллектива КемГУКИ – *радостное событие*. Авторы нельзя упрекнуть в унылой односторонности: в книге освещены и информационно-коммуникационные технологии, и вопросы, связанные с человеческим фактором.

Сочетание двух противоположно направленных библиотечных дисциплин – библиотечной профессионалогии и библиотечной технологии – гармонизирует содержание монографии и является предпосылкой для баланса технократизма и гуманизма в библиотечно-информационном образовании. Поэтому нельзя не порадоваться новому достижению библиотечной школы незабвенного Стаса Андреевича Сбитнева.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Библиотечно-информационное образование: новые концепции и технологии развития** : моногр. / И. С. Пилко, Л. Г. Тараненко, М. Г. Ли, О. В. Абалакова ; науч. ред. И. С. Пилко. – Москва : Литера, 2014. – 304 с.

Bibliotечно-informatsionnoe obrazovanie: novye kontseptsii i tehnologii razvitiya : monogr. / I. S. Pilko, L. G. Taranenko, M. G. Lee, O. V. Abalakova ; nauch. red. I. S. Pilko. – Moskva : Leetera, 2014. – 304 s.

2. **Гендина Н. И., Колкова Н. И.** «Кого природа одарила душой и чувством, и умом...» // Наследие С. А. Сбитнева: учёного, педагога, новатора : сб. материалов науч.-практ. конф. – Кемерово : КемГУКИ, 2008. – 236 с.

Gendina N. I., Kolkova N. I. «Kogo priroda odarila dushoy i chuvstvom, i umom...» // *Nasledie S. A. Sbitneva: uchenogo, pedagoga, novatora : sb. materialov nauch.-prakt. konf. – Kemerovo : KemGUKI, 2008. – 236 s.*

3. **Пилко И. С.** Информационные и библиотечные технологии : учеб. пособие. – С.-Петербург : Профессия, 2006. – 342 с.

Pilko I. S. Informatsionnye i bibliotечnye tehnologii : ucheb. posobie. – S.-Peterburg : Professiya, 2006. – 342 s.

4. **Дворкина М. Я.** Библиотечно-информационная деятельность: теоретические основы и особенности развития в традиционной и электронной среде. – Москва : ФАИР, 2009. – 256 с.

Dvorkina M. Ya. Bibliotечно-informatsionnaya deyatelnost: teoreticheskie osnovy i osobennosti razvitiya v traditsionnoy i elektronnoy srede. – Moskva : FAIR, 2009. – 256 s.

5. **Глобальное будущее 2045.** Конвергентные технологии (НБИК) и трансгуманистическая эволюция / под ред. Д. И. Дубровского. – Москва : Изд-во МБА, 2013. – 272 с.

Globalnoe budushchee 2045. Konvergentnye tehnologii (NBIK) i transgumanisticheskaya evolyutsiya / pod red. D. I. Dubrovskogo. – Moskva : Izd-vo MBA, 2013. – 272 s.

6. **Демоскоп weekly.** – № 505, 506. – 2–15 апр. 2012.

Demoskop weekly. – № 505, 506. – 2–15 apr. 2012.

Arkady V. Sokolov, Dr (Pedagogy); Prof., St. Petersburg State University of Culture and Arts

sokolov1@front.ru

15 Fuchika str., St. Petersburg, 192238 Russia